

Фантазию Моцарта для механического органа сыграет живой человек

Анна Андрушкевич

5.04. Концерт Владимира Спивакова и Жана Гийю. Дом музыки.

Раздвоение юбилей Моцарта в России пошло на убыль, сплошной поток концертов сменился отдельными, порой очень интересными выступлениями. Как и раньше, можно наблюдать два полярно противоположных музыкальных подхода: одни полагают, что нужно детально изучить, как играли Моцарта раньше, и, по возможности, взять на вооружение эти приемы; другие говорят, что каждый имеет право на прочтение, сообразное только со своим личным вкусом, и ни с чем больше.

Один из таких исполнителей, полагающихся на себя, и только на себя, — Жан Гийю. Седовласый органист церкви святого Евстафия в Париже (той самой, где приняли крещение Ришелье и Мольер), ученик Мессиана, органных дел мастер, построивший для себя инструмент, который ездит с ним на гастроли (конечно, не по России), композитор, теоретик, импровизатор. В своей книге об органе он прямо говорит, что интерпретация должна быть личной, и если это действительно так, то не возникает вопросов, прав музыкант или нет. Обычно его выступления заканчиваются импровизациями, так будет и на этот раз, 5 апреля, в Светловском зале ММДМ.

Сочинения выбраны нетривиальные: в первом отделении Гийю вместе с Владимиром Спиваковым, Евгением Стембольским (скрипка) и Дмитрием Прокофьевым (виолончель) исполнит церковные сонаты Моцарта. Это обаятельные одночастные пьесы, которые исполняли в Зальцбурге на мессе между чтением из апостольских Посланий и Евангелия. В этих сонатах Гийю выступит как аккомпаниатор, но во втором отделении он останется на сцене один и будет играть дивные моцартовские Фантазии, история которых

могла бы привлечь Дэвида Линча или Коллет-Серра.

В Вене в конце XVIII века жил граф Йозеф Дейм фон Штритегц. Однажды он подрался на дуэли, убил своего противника, бежал из города и вновь появился под вымыш-

ленным именем: теперь его звали Мюллер. Гордостью господина Мюллера было собрание восковых фигур, которые он сам и отливал; в его галерее были выставлены весьма разнообразные экспонаты — символические композиции (Вене-

ра, наблюдающая за полуобнаженной спящей Грацией), копии античных статуй и т. п. Отдельный зал был посвящен памяти фельдмаршала Гедеона Лаудона, австрийца, отличившегося в Семилетней войне. По мнению хозяина, в этом ме-

моральном зале для большого эффекта требовалось звуковое сопровождение, и с этой целью здесь разместился механический орган. Дело было только за музыкой, и, не раздумывая особенно долго, г-н Мюллер обратился с просьбой не к кому-нибудь, а к Моцарту.

Так появилась Фантазия фа-минор, KV 594. Возможно, по заказу того же г-на Мюллера несколько позднее (в год смерти!) Моцарт написал еще одну Фантазию для этого мавзолея, и если первая просто хороша, то вторая поистине уникальна. Трудно себе представить, как действовали в том кабинете ее жуткие, пронзительные аккорды и монументальная полифония, — особенно когда после смерти Моцарта там появилась и его статуя: г-н Мюллер сам снял гипсовую маску с лица композитора и приобрел его платье.

Вообразите картину: новый застывший экспонат в пустом зале слушает музыку в исполнении органа с часовым механизмом... Позднее маску Моцарта, по слухам, разбила Констанца, а статуя загадочным образом исчезла. При этом величественная Фантазия, по силе своей сравнимая и с «Дон Жуаном», и с Реквиемом, как будто по сей день сохранила в себе пугающую атмосферу своего первого «концертного зала».

Поскольку написана она для механического органа, живым людям играть ее крайне трудно. Ее исполняют редко и обычно в четырехручном переложении. Но, конечно, Жан Гийю, который завершит программу этим произведением, будет играть ее один. Нельзя вообразить себе более достойный органный финал в концерте из сочинений Моцарта, потому что более поразительных органных пьес у него просто нет. Однако Гийю собирается после Фантазии импровизировать на моцартовские темы, и это кажется большим, большим риском. Тем не менее этот музыкант точно знает, что делает, и если уж он отваживается играть свои сочинения после фа-минорной Фантазии (KV 608), значит, у него наверняка есть убедительная, еще не известная нам идея. ■

Жан Гийю считает, что интерпретация должна быть глубоко личной.

Фото предоставлено пресс-службой ММДМ